

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

КНИГИ Ю НЕСБЁ

В СЕРИИ «ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА»

Книги о Харри Холе

Нетопырь

Тараканы

Красношейка

Немезида

Пентаграмма

Спаситель

Снеговик

Леопард

Призрак

Полиция

Жажда

Нож

Охотники за головами

Сын

Кровь на снегу

И прольется кровь

Ревность

и другие истории

Ю НЕСБЁ

Ревность
и другие истории

Санкт-Петербург

УДК 821.113.5
ББК 84(4Нор)-44
Н 55

Jo Nesbø
SJALUSIMANNEN OG ANDRE FORTELLINGER
Copyright © Jo Nesbø 2021
Published by agreement with Salomonsson Agency
All rights reserved

Перевод с норвежского Дарьи Гоголевой, Анастасии Наумовой
Серийное оформление и оформление обложки Ильи Кучмы

Несбё Ю

Н 55 «Ревность» и другие истории / Ю Несбё ; пер. с норв. Д. Гоголевой, А. Наумовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 288 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-19081-8

Ю Несбё, норвежский писатель и ведущий представитель северного нуара, не перестает удивлять. Ломая стереотипы, пренебрегая правилами жанра, он показывает человека так откровенно, как если бы мы сами смотрели в зеркало, боясь себе признаться: это я. «В моей голове нет и не будет никакой цензуры», — утверждает Несбё. Он никогда не раскрывает своих замыслов заранее, и до недавнего времени было известно лишь то, что писатель работает над двумя сборниками короткой прозы. В первый из них вошли семь криминальных историй, объединенных темой ревности: чувства древнего, сильного, болезненного, неподвластного воле, изменяющего человеческую природу.

Двое знакомятся в самолете. Она рассказывает, что хотела умереть из-за измены мужа и подписала договор с компанией, инсценирующей самоубийства. Если бы женщина знала, кто сидит в соседнем кресле...

На греческом острове пропал турист, и для расследования приглашен детектив, обладающий уникальной способностью распознавать ревность при допросе... Подозрение падает на брата пропавшего человека, и этот мотив Каина и Авеля переключается с сюжетом последнего романа Несбё «Королевство».

Ревность прикрывается жаждой справедливости, сводит с ума, отравляет жизнь и меняет ее к лучшему лишь в том случае, когда соперника удастся в прямом и переносном смысле убраться. Среди героев Несбё есть и циники, и простаки, но они всегда поступают непредсказуемо — даже для самих себя, потому что перед зеленоглазым чудовищем человеческая логика бессильна.

Впервые на русском!

УДК 821.113.5
ББК 84(4Нор)-44

© Д. А. Гоголева, А. В. Наумова, перевод, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-19081-8

ЛОНДОН

Летать я не боюсь. Для среднестатистического пассажира шанс погибнуть в авиакатастрофе, летя обычным рейсом, составляет один к одиннадцати миллионам. Иными словами, вероятность умереть в самолете от инфаркта — в восемь раз выше.

Я подождал, пока лайнер наберет высоту и выровняется, наклонился к соседнему креслу у окна и, пытаясь успокоить, тихо сообщил эти сведения всхлипывающей, вздрагивающей женщине.

— Но, разумеется, когда тебе страшно, статистика мало что значит, — добавил я. — Говорю, потому что знаю, каково тебе.

До этого момента ты пристально смотрела в окно, а теперь обернулась и перевела взгляд на меня, как будто только что заметила, что на соседнем кресле кто-то сидит. Преимущество бизнес-класса: благодаря тому что между сиденьями есть лишние десять сантиметров, чуть сосредоточившись, можно вообразить, будто ты один. И по общему согласию всех пассажиров бизнес-класса никто эту иллюзию не разрушает, не произнося ничего, кроме кратких любезностей и самых необходимых фраз («Ничего, если я опущу

шторку?»). А так как для ног места больше, можно, никак не взаимодействуя, пройти мимо соседа в туалет, достать вещи с багажной полки и так далее; как правило, можно полностью друг друга игнорировать, даже если путешествие длится полдня.

Твое выражение лица я определил как легкое недоумение по поводу того, что я нарушил правило бизнес-класса номер один. Что-то в твоём непринужденно-элегантном костюме — я бы не сказал, что цвета брюк и свитера сочетались, но, полагаю, все зависит от надевшего их человека, — сообщило мне, что экономклассом ты летала давно. Если вообще летала. И тем не менее ты плакала — так разве не ты нарушила установленную границу? С другой стороны, плакала ты, отвернувшись от меня, и ясно давала понять, что не хочешь ничем делиться с другими пассажирами.

Что ж, если бы я воздержался от утешения, это уже была бы чуть ли не черствость — я мог лишь надеяться, что ты мою дилемму поймешь.

Лицо у тебя бледное и заплаканное — и все-таки удивительно красивое, как у эльфа. Или, возможно, красивой ты стала потому, что побледнела и плакала? Всегда питал слабость к хрупкости и незащитности. Я протянул тебе салфетку, которую стюардесса положила до взлета под наши стаканы с водой.

— Спасибо, — сказала ты, выдавив улыбку, взяла салфетку и промокнула под глазом растекшийся макияж. — Но это вряд ли.

Ты снова отвернулась к окну, прислонилась к стеклу, как будто прячась, и тело вновь затряслось от рыданий. Что — вряд ли? Вряд ли знаю, каково тебе? Я в любом случае свое дело сделал и теперь, естест-

венно, оставлю тебя в покое. Я бы посмотрел пол-фильма, а потом попытался поспать, хоть и мог рассчитывать максимум на час сна. Мне редко удается заснуть в самолете — причем не важно, сколько длится полет, — и особенно когда я знаю, что поспать надо. Я пробуду в Лондоне всего шесть часов, потом полечу обратно в Нью-Йорк.

Табло «Пристегните ремни» погасло, и подошедшая стюардесса налила воды в пустые стаканы, стоявшие между нами на широком, массивном подлокотнике. Перед взлетом капитан сообщил, что сегодня ночью перелет из Нью-Йорка в Лондон займет пять часов десять минут. Рядом с нами кто-то уже опустил спинку и укрылся одеялом, а кто-то уткнулся в экран и ждал, когда принесут еду. Стюардесса еще до взлета разносила меню, но и я, и моя соседка отказались. К моей радости, я нашел себе фильм в категории «классика» — «Незнакомцы в поезде» — и уже надевал наушники, когда услышал твой голос.

— Это все муж.

Я повернулся к тебе, держа наушники в руках.

Вокруг глаз у тебя размазалась тушь, напоминая театральный грим.

— Он мне с моей лучшей подругой изменяет.

Не знаю, расслышала ли ты слова о том, что странно все еще называть этого человека лучшей подругой, но у меня, скажем так, и в мыслях не было тебя поправлять.

— Извини, — сказал я, — не хотел вмешиваться...

— Не извиняйся — хорошо, когда людям не все равно. Таких очень мало. Мы же до смерти боимся любых огорчений и тоски.

— Тут ты права, — согласился я, не зная, убирать наушники или нет.

— Думаю, они прямо сейчас трахаются, — всхлипнула ты. — Роберт всегда секса хочет. И Мелисса тоже. В эту самую минуту они на моих шелковых простынях...

Мой мозг автоматически нарисовал картинку: супружеская пара, обоим за тридцать, он зарабатывает, и зарабатывает много, а ты выбираешь постельное белье. Наш мозг — специалист по стереотипам. И иногда он ошибается. А иногда оказывается прав.

— Наверно, ужасное чувство, — сказал я без излишне драматических интонаций в голосе.

— Я умереть хочу, — призналась ты. — Так что на счет самолета ты ошибся. Надеюсь, он рухнет.

— Но ведь впереди еще куча дел ждет, — возразил я, нацепив обеспокоенное выражение лица.

Какое-то мгновение ты просто на меня смотрела. Видимо, дурацкая вышла шутка: время для нее уж точно выбрано неудачно, да и, учитывая ситуацию, нагловато получилось. Ты ведь сказала, что умереть хочешь, а кроме того, назвала подходящий мотив. Шутка могла показаться неподобающей и грубоватой — или спасительной возможностью отвлечься от не подлежащей обсуждению тоски. Comic relief¹ — вот как это называется; во всяком случае, когда прием срабатывает. И все же я пожалел о своих словах — да, даже дышать перестал. Потом ты улыбнулась. Улыбка в ту же секунду исчезла, как рябь с лужи, но я снова задышал.

¹ Разрядка смехом (англ.).

— Не переживай, — тихо сказала ты. — Умру только я.

Я непонимающе на тебя смотрел, но ты избегала моего взгляда и косилась в сторону, на салон.

— Там во втором ряду младенец, — заметила ты. — Младенец в бизнес-классе, и он, возможно, всю ночь проплачет — что ты на это скажешь?

— А что тут говорить?

— Что родителям стоило бы понять: люди заплатили больше за то, чтобы здесь сидеть, потому что им надо поспать, а может быть, завтра утром им ехать на встречу или на работу.

— М-да. Пока авиакомпании пускают младенцев в бизнес-класс, остальное на совести родителей.

— Тогда надо авиакомпании штрафовать за то, что нас обманывают.

Ты осторожно вытерла под вторым глазом, взяв вместо салфетки, что я тебе дал, свой бумажный платок.

— В рекламе бизнес-класса пассажиры сладко спят.

— В перспективе авиаккомпанию ждет наказание: мы будем не готовы платить за то, что не получим.

— Но зачем они так делают? — спросил я.

— Родители или авиакомпании?

— Понимаю: родители поступают так потому, что денег у них больше, чем совести. Но ведь авиакомпании должны терять деньги, потому что предоставляемые в бизнес-классе услуги теряют в качестве?

— Они также потеряют репутацию, если будут говорить, что не очень рады детям.

— Ребенку плевать, где плакать — в бизнесе или в экономе.

— Ты прав, я имела в виду — не очень рады родителям с маленькими детьми.

Я улыбнулся:

— Авиакомпании боятся, что со стороны все это будет напоминать апартеид. Естественно, проблему можно решить: те, кто плачет в бизнес-классе, отправляются в эконом и уступают место довольному, не верящему в происходящее человеку, купившему дешевый билет.

Смех у тебя был мягкий и приятный — на этот раз он добрался до глаз. Легко подумать — и я подумал: непонятно, зачем изменять такой красивой женщине, но тут уж как есть. Дело не во внешней красоте. Да и не во внутренней тоже.

— Чем занимаешься? — спросила ты.

— Я психолог, провожу исследования.

— Что исследуешь?

— Людей.

— Ну естественно. Что ты узнал?

— Что Фрейд был прав.

— По поводу чего?

— Что люди, за редким исключением, ничтожества.

Ты засмеялась.

— Да уж, мистер...

— Зови меня Шон.

— А я Мария. Шон, но ты ведь так не считаешь, разве нет?

— Что люди ничтожества, за редким исключением? С чего бы мне так не считать?

— Ты проявил заботу, а забота бессмысленна, если ты самый обыкновенный мизантроп.

— Ну да. Зачем же мне было врать?

— По той же самой причине — ты проявляешь заботу. Ты мне поддакиваешь, утешаешь меня — говоришь, что тоже боишься летать. А когда я рассказала, что меня предали, утешаешь и говоришь, что в мире полно плохих людей.

— Ой! Вообще-то, я здесь психолог.

— Вот видишь, тебя даже профессия выдает. Осталось признать, что ты опровергаешь собственное утверждение. Как человек ты чего-то стоишь.

— Хотелось бы, чтобы это было так, Мария, но, боюсь, моя деланая забота — это лишь результат светского английского воспитания, и я не представляю никакой ценности ни для кого, кроме себя самого.

Почти незаметно ты повернулась ко мне на пару градусов.

— Тогда, Шон, ценность у тебя есть благодаря воспитанию. Ну и что? Ценность придают поступки, а не то, что ты думаешь и чувствуешь.

— По-моему, ты преувеличиваешь. Просто благодаря воспитанию мне не нравится нарушать правила адекватного поведения, на самом деле ни на какие жертвы я не иду. Я приспосабливаюсь и избегаю неприятных ситуаций.

— По крайней мере, ты ценен как психолог.

— Боюсь, тут я тоже тебя разочарую. Я не настолько умный и трудолюбивый, чтобы найти лекарство от шизофрении. И если самолет рухнет, мир лишится лишь довольно скучной статьи о confirmation bias¹ в научном журнале, который читает лишь горстка психологов, — вот и все.

¹ Необъективность восприятия (*англ.*).

— Кокетничаешь?

— Да, а еще я кокетничаю. Можно добавить к списку моих пороков.

Теперь ты искренне рассмеялась.

— И нет даже жены и детей, которые будут по тебе скучать, если тебя не станет?

— Нет, — коротко ответил я.

Так как сидел я у прохода, то не мог окончить разговор, просто-напросто отвернувшись к окну и притворившись, что ночью в темноте разглядел в Атлантическом океане что-то интересное. А взять журнал из кармашка в спинке переднего сиденья — это уже чересчур демонстративный поступок.

— Извини, — тихо произнесла ты.

— Все нормально, — ответил я. — Что ты имела в виду, когда сказала, что умрешь?

Наши взгляды встретились, и мы впервые друг друга увидели. И хотя, наверное, это попытка все объяснить задним числом, думаю, мы оба заметили то, благодаря чему уже тогда стали подозревать: эта встреча способна изменить все — да она уже все изменила. Может быть, ты как раз об этом думала, но отвлеклась — наклонилась ко мне, опираясь на подлокотник; ощутив запах твоих духов, я подумал о ней: это ее запах, она вернулась.

— Я покончу жизнь самоубийством, — прошептала ты и, откинувшись на сиденье, стала меня рассматривать. Не знаю, что было написано у меня на лице, но я видел: ты не врешь.

— И как ты собираешься это сделать? — вот и все, что я смог спросить.

— Рассказать?

Вопрос ты задала с загадочной, почти веселой улыбкой. Я задумался. Хочу ли я это услышать?

— Кстати, это неправда, — сказала ты. — Потому что, во-первых, я не буду лишать себя жизни — это уже случилось. Во-вторых, не я лишу себя жизни, а они.

— Они?

— Да. Я подписала договор...

Ты посмотрела на часы «Картье» — готов поспорить, подарок того самого Роберта. Он их подарил до того, как изменил, или после? После. Мелисса была не первой, он все время изменял.

— ...четыре часа назад.

— Они? — повторил я.

— Фирма, занимающаяся самоубийствами.

— Ты про... это как в Швейцарии? То есть активная эвтаназия?

— Да, но только более активная. И с той разницей, что тебя лишают жизни так, что это не выглядит как самоубийство.

— Да?

— Ты как будто мне не веришь.

— Я... да я просто удивился.

— Понимаю. Это должно остаться между нами, в договоре есть пункт о конфиденциальности, и, вообще-то, мне нельзя ни с кем об этом говорить. Просто мне...

Ты улыбнулась, и твои глаза тут же снова наполнились слезами.

— ...невыносимо одиноко. А ты незнакомец. И психолог. Вы же обязаны хранить врачебную тайну?

Я прокашлялся.

- Да, если речь о пациентах.
- Ну так я твой пациент. Вижу, сейчас у тебя есть время на консультацию. Доктор, сколько вы возьмете?
- Боюсь, Мария, так нельзя.
- Разумеется, нет, это же нарушает принятые в твоей профессии правила игры. Но как частное лицо ты ведь послушать можешь?
- Пойми: у меня возникнет этическая проблема, если человек собирается совершить самоубийство и доверится мне, а я даже не пытаюсь вмешаться.
- Ты не понимаешь: вмешиваться поздно, я уже умерла.
- Умерла?
- Договор не отменить, меня убьют в течение трех недель. Они заранее объясняют, что, когда ты ставишь на бумаге подпись, никакую тревожную кнопку уже не нажмешь. Существой у них такая кнопка — и потом мороки с юристами не оберешься. Так что, Шон, ты сидишь рядом с трупом.
- Ты засмеялась — на этот раз сухо и горько.
- Выпьешь со мной или будешь просто слушать?
- Ты протянула длинную худую руку к кнопке вызова персонала — в темном салоне как будто пискнул гидролокатор.
- Ладно, — согласился я. — Но советов я давать не буду.
- Хорошо. А ты обещаешь никому ничего не говорить даже после моей смерти?
- Обещаю, — сказал я. — Хотя не думаю, что тебе это будет важно.
- Вообще-то, важно. Если я нарушу пункт о конфиденциальности, они смогут через суд взыскать с ме-

ня кучу денег, и тогда организациям, которым я завещала, останутся одни крохи.

— Чем могу помочь? — спросила беззвучно материализовавшаяся возле нас стюардесса.

Наклонившись, ты заказала нам джин-тоник. Горловина свитера чуть приспустилась, я увидел бледную кожу и почувствовал, что у тебя не ее запах. У тебя запах чуть сладковатый, пикантный, как бензин. Да, бензин. И дерево — только я названия не помню. Запах почти мужской. Когда стюардесса погасила лампочку и ушла, ты сбросила ботинки, повернулась на бок, по-кошачьи поджала под себя ноги — из-за пары торчащих, покрытых нейлоном узких ступней мне на ум, естественно, пришла мысль о балете.

— Фирма, которая занимается самоубийствами, находится в Манхэттене, в красивом офисе, — сказала ты. — Там адвокатская контора; по их словам, у них все прописано на сухом юридическом языке, и я в этом не сомневаюсь. Например, они не убивают людей с психическими заболеваниями, а до подписания договора нужно пройти психиатрическую экспертизу. Еще нужно отменить страхование жизни — при наличии такового, — чтобы на них потом не подали в суд страховые компании. Есть много других оговорок, но самое важное — пункт о конфиденциальности. Добровольно заключенный договор между совершеннолетними сторонами в США имеет более широкие рамки, чем в большинстве других стран. Но вдруг об их деятельности станет известно и она получит огласку — естественно, они боятся, что из-за реакции общественности политики их прикроют. Они себя не реклами-

руют, их клиенты — исключительно состоятельные люди, которые узнали о них word of mouth¹.

— Понятно, почему они не высовываются.

— Разумеется, их клиенты тоже хотят сохранить тайну, ведь самоубийства считаются стыдным поступком. Как аборт. Клиники, которые делают аборты, ничего противозаконного не совершают, но на вывеске у них это не написано.

— И правда.

— И естественно, в основе бизнеса — секретность и стыд. Клиенты готовы выложить крупные суммы за то, чтобы умереть без физических и психических страданий и неожиданно, насколько это вообще возможно. Но главное, все произойдет так, чтобы ни семья, ни друзья, ни окружающие даже не заподозрили самоубийство.

— И как это происходит?

— Тебе этого, разумеется, не скажут — только то, что существует бесчисленное количество способов и что это случится в течение трех недель с момента подписания контракта. Примеров тоже не приводят, иначе мы — осознанно или нет — станем избегать определенных ситуаций, что вызовет совершенно ненужный и сильный страх. Единственное, о чем нам общаются: это будет абсолютно безболезненно, и мы даже не поймем, что это вот-вот случится.

— Понимаю, кому-то, наверное, важно скрыть факт самоубийства, но тебе-то это зачем? Разве это, напротив, не способ отомстить?

— То есть Роберту и Мелиссе?

¹ С чужих слов (англ.).

Содержание

<i>Лондон. Перевод Д. Гоголевой</i>	5
<i>Ревность. Перевод А. Наумовой</i>	33
<i>Очередь. Перевод Д. Гоголевой</i>	163
<i>Мусор. Перевод Д. Гоголевой</i>	173
<i>Признание. Перевод Д. Гоголевой</i>	201
<i>Одд. Перевод Д. Гоголевой</i>	217
<i>Сережка. Перевод Д. Гоголевой</i>	263

Литературно-художественное издание

Ю НЕСБЁ

РЕВНОСТЬ

и другие истории

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Татьяна Щигельская
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Марии Антиповой
Корректоры Анна Быстрова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 16.07.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 30 000 экз. Усл. печ. л. 18. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайте: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-RBD-27774-01-R